

18+

DE PROFUNDIS

ПОТРАСАЮЩАЯ,
ПРОЗИТЕЛЬНАЯ,
ШОКИРУЮЩАЯ
ИСТОРИЯ.
FNAC, GRENOBLE

**ЭММАНЮЭЛЬ
ПИРОТТ**

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР-ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

Annotation

Бельгия, наше время. На Европу обрушился свирепый вирус лихорадки Эбола, вакцины нет, лекарства не помогают, больницы переполнены.

Роксанна привыкла жить незаконным промыслом, и теперь источник ее существования – лекарства, которые она продает тем, кто готов отдать любые деньги, лишь бы спастись.

Она не боится смерти и бравирует этим, словно саму себя проверяет на стойкость и хладнокровие. Но однажды такая бесшабашная жизнь заканчивается – бывший муж Роксанны умер, и пришла ее очередь заботиться об их общей дочери Стелле.

У Роксанны начинается новая жизнь, в которой найдется место не только трагическим событиям, но и любви, которая спасет и ее, и ее дочь.

Эмманюэль Пиротт

De Profundis

© Хотинская Нина, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Сильвестру.

В дверь колотили. Стук сопровождался криками: «Рокси, Рокси, открой, черт дери!» Это был голос маленького Мехди, хриплый, как у заядлого курильщика, да мальчишка и дымил как паровоз. Роксанна открыла один глаз и тотчас закрыла его, увидев кусочек грязного стекла, сквозь который просачивался тусклый солнечный луч. Черт, уже пора? Не может быть! Ружейные выстрелы разорвали относительную тишину среди ночи. После этого заснуть больше не удалось. Вскоре после того как колокола Нотр-Дам-де-ла-Шапель прозвонили девять часов, Роксанна наконец провалилась в какую-то кому, полусон, густой и темный, как патока. Она вынырнула, вся липкая от образов и ощущений, зная, что они будут преследовать ее весь день. Были брошенный младенец, которого она видела три дня назад на улице Лен, истекающая жиром жареная картошка, замок ее квартиры, который надо сменить, и отчаянная потребность выпить чего-нибудь крепкого. Неимоверным усилием она отбросила одеяло к ногам, взяла сигарету из пачки на ночном столике и, прикурив, потащилась к входной двери. Когда она открыла, тощий мальчуган, отпихнув ее, влетел в квартиру. На нем была маска, как у хирурга. Сняв ее, он одарил Роксанну беззубой улыбкой во весь рот.

– Я уже час колочу в дверь, думал, ты померла, мать твою! Ксинон приняла, что ли?

Роксанна улыбнулась сквозь завесу волос, свисавших на лицо спутанными прядями.

– А? Ты не пьешь эту пакость, а, Рокси?

Ксинон, сильное галлюциногенное снотворное, недавно созданное в лаборатории, снабжавшей Роксанну, имело бешеный успех и продавалось даже лучше антивирусных препаратов. Похоже, людям больше нравилось забывать Эболу-III в экстатическом сне, чем лечиться. Роксанна отбросила волосы назад, затянулась и похлопала Мехди по плечу, выдохнув дым. Она повернулась и прошла в кухню. Мехди последовал за ней, подпрыгивая, точно истерический эльф; его подергивающееся лицо приблизилось вплотную к лицу Роксанны. Она мягко отстранила его и принялась искать фильтр для кофе, который нашла на его обычном месте, в грязной раковине, полной грязной посуды. Она наскоро ополоснула фильтр, поставила его на первую попавшуюся чашку, засыпала кофе и включила электрический чайник.

– Нашла время кофейком баловаться! Спятила? Нам же на Южный вокзал, в двенадцать нас ждут, а мы еще тут!

Мехди вдруг замер, вытаращив глубоко посаженные глаза, словно увидел привидение.

– Черт, ты слышала, Рокси? Нас ждут, а мы тут. Я сочиняю стихи, не отдавая себе счета. Здорово, а?

– Не «отдавая отчета». Счет – это совсем другое.

– Ага, я так и говорю. Ну что, пошли?

Роксанна потрогала чайник, который упорно не желал закипать. Проклятье, опять отключили электричество. Она надела джинсы и тонкий свитер и было готова выйти, но тут Мехди жестом остановил ее.

– Ты еще не проснулась, что ли?

Никаб! Роксанна чуть не ушла без него. Плохая идея в квартале, где им предстояло работать. Она побежала в спальню и вернулась, закутанная в длинный плащ и драгоценное покрывало в тон, из-под которого были видны только ее темные глаза, еще припухшие со сна. Они бегом спустились с четвертого этажа и помчались на Южный вокзал. В туннеле, где ходили когда-то трамваи, их уже ждали Марко и его дружок Юрий, приплясывая от нетерпения. Едва оказавшись в тени, Роксанна сняла никаб; невозможно было работать в этом покрывале, ничего не видно, ничего не слышно, жарко до смерти, и синтетическая ткань липла к губам, мешая говорить. Всякий раз, надевая его, Роксанна вспоминала скетч французского комика, который видела по телевизору, когда была маленькой. Он назывался *K-Way* – это была старинная одежда, защищавшая от дождя, ловко сидящая, но непрактичная. Общим между капюшоном этого *K-Way* и никабом было то, что, когда вы поворачивали голову, ткань вокруг лица не следовала за вашим движением, закрывая глаза, и вы были слепы, пока голова не возвращалась в прямое положение. Перейти, например, улицу, становилось упражнением небезопасным. Однако в нынешние времена в некоторых кварталах Брюсселя уж лучше было рискнуть быть задавленной, чем побитой камнями.

Роксанна и Мехди принесли столь высоко ценившийся ксинон в довольно ограниченном количестве (надо было создавать впечатление редкости, чтобы подпитывать фантазмы и взвинчивать цены), но также и тамикс, наиболее эффективный противовирусный препарат (правильнее было бы сказать наименее неэффективный) против вируса Эбола третьего поколения, который косил планету с молниеносной быстротой. На самом деле тамикс, который продавала Роксанна, был эрзацем настоящего тамикса, лекарства очень дорогого и потому недоступного большинству зараженных, которые не могли больше рассчитывать на компенсацию за лечение. Тамикс Роксанны производила маленькая подпольная лаборатория под руководством некоего типа по прозвищу Коза, о котором никто ничего не знал, кроме того, что он якобы защитил диссертацию по химии два года назад. В этом можно было усомниться по той простой причине, что в Бельгии не защищали диссертаций уже как минимум четыре года.

Марко, детина лет тридцати, чье тело быка бельгийской голубой породы венчала маленькая лысая головка с кольцом в носу, передал заказ. Пятьдесят упаковок ксинона.

– А тамикс? – удивилась Роксанна.

Марко криво улыбнулся и притиснул ее к стене в пятнах мочи.

– Дерьмо твоя хрень!

Юрий, высоченный скелетоподобный славянин, похожий на крысу-альбиноса, достал из заднего кармана нож и спокойно приставил острие к шее Роксанны. Приходилось признать очевидное: левый тамикс Козы не принимали единодушно. Не впервые Роксанна и Мехди получали не самые восторженные отзывы. Роксанна чуть отстранила острие от горла и принялась по обыкновению заговаривать зубы: никто не может гарантировать эффективности противовирусных препаратов против Эболы; это написано большими буквами

езде во Всемирной паутине, а для тех, кто не умеет читать, ученые вещают по телевизору и по радио весь день напролет. Смертность при Эболе – девяносто пять процентов, и никто еще не нашел панацеи.

– Пана – чего? – взревел Марко.

И за его вопросом тотчас последовало движение вооруженной руки дружка; острие снова уперлось в шею Роксанны.

– Ничего, – ответила Роксанна, – лекарства не нашли, вот и все.

Какой идиот! Панацея! Она могла бы с тем же успехом сказать Марко, что у него пол-извилины; из-за таких вот глупостей подобные типы вдруг вспыхивают как порох. Она покосилась на Мехди: он был рядом, неподвижный и очень внимательный, чуть слева от крысы-альбиноса, и сунул руку под свою кожаную куртку. Когда грозила опасность, Мехди переставал подпрыгивать, и подергивание его лица вдруг прекращалось. Два года Роксанна с ним работала и не переставала этому удивляться. Она успокоилась: нечего Марко и его дружку-мужику выпендриваться, не то Мехди живо приструнит их пушкой, которую он собрался извлечь на свет божий. Но в этом пока не было необходимости. До такого доходило редко. И словно вторя мыслям Роксанны, татуированные лапищи Марко разжали хватку на ее плечах. Он бросил на нее горестный взгляд, отпустил и отступил на шаг. Глядя на него, Юрий убрал нож.

– Тамикс этот, мы в него верили для моей сестренки, – проговорил Марко глухим голосом. – На три-четыре дня ей стало лучше. Жар спал, рвоты не было. А потом все пошло быстро, это продолжалось еще шесть дней... До конца. Но эти шесть последних дней, черт, эти шесть последних дней...

Марко провел рукой по бритой голове; по его телу пробежала судорога, словно подавленное рыдание. Подняв красные глаза, он уставился в глаза Роксанны, которая встретила его взгляд, как принимают в объятия несчастного ребенка. Играть в эту игру она умела, и зачастую благодаря ей оружие Мехди оставалось спокойно лежать в кобуре. Взгляд, который она ему подарила, как дают напиток жаждущему, оказался выше сил Марко, и тот разрыдался. Он едва не рухнул на Роксанну, которая гладила его мускулистую спину, словно знала его всю жизнь. Мехди смотрел во все глаза и, когда встретился взглядом с Роксанной, не удержавшись, соорудил ей смешную рожицу, полную иронии, восхищения и укора – всего вместе. Марко уже успокоился, и они смогли наконец перейти к делу. Он даже взял тамикс, поклявшись, что не будет больше давать его своим близким. Все остальные пусть подышают, ему-то что? А, мать твою перемать? Он обращался к Юрию, который ответил ему невыразительной ухмылкой. Зубы у него были редкие и острые, как у морского угря. Непохоже было, что он уловил хоть что-то из происшедшего. И дело было не только в знании языка, его мозг, как видно, был не более развит, чем у рыбы, с которой он делил улыбку.

Роксанна оделась, Мехди окончательно вынул руку из-под куртки, и они отправились обратно в Мароллы^[1]. По дороге Мехди напевал рэп собственного сочинения:

*Погоди, рассказа —
ли тебе про Мехди?
Ты на Южном вокза —
ле ко мне подходи.
Все лекарства, поди,
хороши у Мехди.*

*Скажешь «дрянь»? Ты, мерза —
вещ...*

Мехди запнулся. Он хмурил брови, морщил нос, что-то бормотал, отбивая такт рукой. Роксанна шла, не обращая внимания на рэпера и изменившую ему музу.

*Скажешь «дрянь»? Ты, мерза —
вещ...*

Мехди вдруг остановился, и взгляд его просиял.

И к черту иди!

Роксанна даже не оглянулась на представление Мехди. Он обиделся.

- Эй, Рокси, поплодировала бы артисту, черт дери!
- Угу, – промычала Роксанна, – не отдавая счета к тому же!
- Валяй, издевайся надо мной!

У Порт-де-Аль^[2] они встретили похоронную команду. Больницы были переполнены, и многие больные бедняки не имели иного выбора, как умирать у себя дома, если им повезло еще иметь этот дом, или на улице. С началом эпидемии Эболы другие болезни стали считаться пустяками, и не стоило приходить с жалобами на рак поджелудочной железы в последней стадии в отделения «Скорой помощи» больниц Эразма и Святого Петра, когда тысячи несчастных, зараженных «новой чумой», ждали коек. Поэтому те, кто имел несчастье умирать от других болезней, даже не совались больше в медицинские центры, смиренно сидели дома или уходили на улицу. Они присоединялись к десяткам тел жертв Эболы, усеивавшим тротуары бедных кварталов.

Остатки правительства еще изыскивали средства платить похоронным службам, неизвестно, надолго ли. «Колымага-призрак», как называла Роксанна черную яйцевидную машину, перевозившую трупы, делала короткие остановки, пока парни в комбинезонах, тоже черных, осматривали лежавших на земле и решали, грузить их в «колымагу» или нет.

Работали в этих командах в основном фламандцы; север страны был, как всегда, чуть менее беден и еще ухитрялся сохранять подобие государственных служб, привлекая рабочую силу. Бездомные же, умиравшие на улицах столицы, были по большей части франкофонами, что, естественно, создавало проблему: фламандцы продолжали настаивать на том, что в черед бедствий, обрушившихся на мир, виноваты эти бездельники валлонцы (это слово в последние несколько лет обозначало всех франкофонов Бельгии). Эти люди, умирающие на улицах, сами в ответе за то, что с ними случилось; с какой же стати славные трудяги фламандцы должны делать грязную работу и чистить город от зараженных лодырей-валлонцев? Им объяснили, что надо радоваться хотя бы верному куску хлеба. Но ситуация оставалась напряженной, и нередко тот или иной служащий отказывался грузить на катафалк труп, если по нему было слишком явно видно, что он говорил при жизни по-

французски. Больные становились предусмотрительны и избавлялись от личных документов, обручальных колец, малейших признаков языковой принадлежности. Некоторые даже вешали на грудь карточку с надписью: *Ik ben Vlaams* – «Я – фламандец».

Можно было ожидать, что в хаосе, охватившем мир, потонет старая вражда между севером и югом страны. Однако она, наоборот, разгорелась с новой силой в этой атмосфере всеобщего безумия. Никто не мог понять, как Бельгия еще остается единой. Это была одна из величайших тайн истории, и, если бы осталось кому об этом вспомнить, эта тайна могла бы когда-нибудь быть рассмотрена как самое яркое воплощение бельгийского сюрреализма.

Все эти тела, не важно, говорили они на языке Мольера или Хуго Клауса, сжигали в многочисленных крематориях, недавно построенных на окраинах города; их дым расползлся над садами, огородами, курятниками, которые росли как грибы, худо-бедно восполняя недостаток несинтетических овощей и мяса. «Ничто не пропадает», – подумала Роксанна; и в эту минуту служащий похоронной команды украдкой припрятал в складке своего комбинезона блестящую побрякушку, которую так или иначе покойный не мог взять с собой на тот свет. Она бы голову дала на отсечение, что обкраденный мертвец был франкофоном.

На площади Жё-де-Баль Роксанна и Мехди решили зайти в бистро «Весельяк», которое держал старик Жильбер, бывший почтальон, вынужденный переквалифицироваться после выхода на пенсию. Выплаты пенсий были отменены уже несколько лет назад, и пенсионный возраст для многих означал новый путь, время придать своей жизни, уже богатой опытом, вкус неизведанного, осуществить наконец свои мечты. Так, по крайней мере, представляло ситуацию Министерство труда.

Жильбер никогда не мечтал стать хозяином бистро, но выглядел идеально в новой роли, как будто был рожден для этого. Новые законы были порой хороши тем, что заставляли вас открывать в себе неведомые таланты. Жильбер был из тех, кто, несмотря на свои семьдесят три года, усталость и вполне законное желание покоя, еще находил известное удовольствие в новой работе, и он наслаждался достоинством и своеобразной аурой, окружающей всякого хорошего трактирщика за стойкой.

Он тепло приветствовал двух друзей и подал Роксанне горькую собственного изготовления, настоящую на можжевельнике. Мехди получил лимонад. Он не пил спиртного, смутно помня те времена, когда еще был мусульманином.

«Шесть последних дней...» Эти слова Марко не шли из головы у Роксанны. Она повторила их вслух, осушив стакан залпом. Судя по всему, фальшивый тамикс давал больному слабую надежду, ликвидируя симптомы на несколько дней, но после этой передышки конец был ужасен. У больных Эболой, которых лечили официальным тамиксом, тоже на время наступала ремиссия, но тех, кому противовирусный препарат не помогал, смерть забирала быстро и без лишних мучений. Лекарство же, которым кормила своих клиентов Роксанна, было опасным. Антивирусных молекул в нем вряд ли было больше, чем в стакане воды с мятным сиропом, об этом она догадывалась, но вдобавок оно сулило обреченному страшную и долгую агонию.

Когда она поделилась этими мыслями с Мехди, тот сморщил лицо до последней частицы кожи и сощурил глаза с такой яростью, что Роксанна испугалась, не выдаст ли он припадок эпилепсии. Но Мехди попросту был опечален и выражал свою печаль, как мог, перекошенным лицом и остановившимся взглядом. Не стоило ждать от него комментариев и уж тем более решения. Он продал бы сахар диабетика, попроси его об этом Роксанна. Так что ей самой предстояло решить, продавать ли и дальше это снадобье. До сих пор совесть не

очень ее мучила. Всю жизнь она продавала что угодно, кому угодно, по какой угодно цене, мастерски мороча и дурача покупателей. Дома, страховки, картины, похороны, отпуска... Так что какое-то сомнительное лекарство вряд ли могло помешать ей спать. И все же смерть сестренки Марко легла тяжелым камнем ей на сердце.

Она заказала еще домашней настойки и снова опрокинула ее залпом. На этот раз жидкость обожгла ей горло, напомнив о вязком утреннем сне. После истекающей жиром жареной картошки, при мысли о которой она сообразила, что ничего не ела с утра, возник брошенный младенец на улице Лен. Он лежал, закутанный в одеяло, прямо на тротуаре. Он еще не умер, хотя губы уже приобрели лиловый оттенок, а очень слабое дыхание сопровождалось жутким хрипом, характерным для смертоносного вируса в последней стадии. Она долго смотрела на него, потом отвернулась. Прохожие аккуратно обходили малыша. Отогнав образ, она вернулась к жареной картошке; пора было что-нибудь съесть. Хозяин принес франкфуртские сосиски, которые Роксанна проглотила в рекордное время. Мощное тело Жильбера выгнулось над барной стойкой, и он прошептал:

– Я знаю, вы возвращаетесь на улицу От, но я слышал, что психи в сутанах устроили карнавал у Нотр-Дам-де-ла-Шапель...

– Да ладно, сходим в киношку, потом вернемся, – ответил Мехди с обезоруживающей улыбкой в адрес Роксанны, словно приглашал ее на первое свидание.

– Нет, милый, – сказала Роксанна, – ты идешь к себе, а я к себе.

– Я не отпущу тебя одну к этим чокнутым Апоплексии!

– Апокалипсиса, – поправила Роксанна.

– Угу, один черт. Апоплексия, Апокалипсис... В прошлый раз они забили одну девушку до смерти...

Роксанна скатала плащ и покрывало, сунула их в пластиковый пакетик, который достала из кармана джинсов, встала и бросила на стойку деньги. Она поблагодарила Жильбера за то, что предупредил, и сделала знак Мехди: уходим. Как ни хотел мальчик ее проводить, Роксанна осталась непреклонна и пошла домой одна.

На паперти церкви Нотр-Дам «карнавал» и вправду был в разгаре: закутанные в черное фигуры в остроконечных капюшонах, из-под которых были видны только глаза, водили хоровод. Одни размахивали распятиями, другие солнцами из черного металла. В центре круга стоял на коленях голый человек со связанными ногами и руками. Закутанные распевали молитву на очень приблизительной латыни замогильными голосами (как ни плохо учила Роксанна историю, даже она понимала, какую бессмысленную тарабарщину они бормочут с торжественным видом). Все это должно было закончиться кровавой баней, чего с нетерпением ожидали двое журналистов, притаившихся в засаде на другой стороне площади. Если бы их обнаружили, они, без сомнения, разделили бы участь голого человека в центре паперти.

Эти ряженые считали себя последними хранителями великой цивилизации Запада, хотя давно забыли, что такое книга. Многие из них были мелкими буржуа, тупыми и ограниченными, которые долго голосовали за крайне правых, когда еще можно было голосовать; но еще больше среди них околачивалось бывших хиппи, которых экономическая катастрофа заставила засунуть подальше принципы «общего житья», равно как и неотделимые от них перуанские пончо *fairtrade*, гончарный круг и суп из экологически чистой чечевицы. Лишенные идеалов, разочарованные и озлобленные, они обратились к

религии в ее самой экстремистской христианской версии. Правда, они пытались разбавить свое движение былыми мечтами: продолжали питаться пророженным зерном, которое выращивали сами, терзали гитары и порой меняли образ Распятого на изображение дневного светила; реже на толстую женщину без лица, некую богиню-мать – порождение их дурацкого эклектизма.

Хоровод остановился; люди в черном замерли. В жаровнях зажгли огни. Голый человек задрожал. Один из закутанных, с длинным, как у Индианы Джонса, кнутом, принялся стегать нагое тело; бедняга завалился вперед, оцарапав подбородок о синие камни^[3]. Эту средневековую кару он нес за грех сладострастия, так потрудились указать на табличке, висевшей на шее несчастного. Законы «Всадников Апокалипсиса», как помпезно называла себя эта секта, запрещали блуд без цели продолжения рода; но можно было также запросто получить кнута за слишком короткую юбку или крашенные ногти. А зачастую Всадники проявляли излишний пыл, хватая простого прохожего, чье лицо им не нравилось. Это была мелкая сошка, низший класс секты.

Но иные из этих чокнутых и впрямь выглядели внушительно. Их можно было увидеть только с наступлением темноты, верхом на больших вороных лошадях, в таких же черных плащах, с мечом на боку, готовых к охоте на ночных грешников. Иногда вдвоем, но чаще в одиночку они скакали по улицам резвой рысью, окутанные паром, поднимавшимся от их крепких коней; они возникали из темных проулков под стук копыт, точно черные рыцари во «Властелине колец». Они называли себя Хранителями печатей, и ходила молва, что их всего четырнадцать, по двое на каждую из семи печатей Апокалипсиса.

Случалось, что глава секты, согбенный старец, прятавший лицо под капюшоном, выступал по телевизору или во Всемирной паутине, предсказывая будущее голосом призрака. Канонический возраст этого жутковатого существа можно было угадать по пальцам, выступающим из-под рукава одеяния, выглядевшим мертвыми, как руки освежеванного. Роксанна слышала, как он призывал молодых вливаться в ряды Всадников для последней битвы и вскрытия печатей. Несмотря на полный бред, изрыгаемый невидимым взгладам старым ртом, по спине пробегал холодок, и было понятно, как заманчива секта для молодежи без будущего. Говорили, что старик умер много лет назад, а на экранах появлялись лишь голограммы. Это было не исключено, потому что давно уже никто не был уверен, что картинки в СМИ отражают какую-никакую подлинную реальность.

Борьба не на жизнь, а на смерть завязалась между Всадниками и Братьями-мусульманами, борьба, перевес в которой был пока на стороне первых. Приходилось признать, что фанатиков христианской веры окружала аура, куда более «гламурная», чем радикальных исламистов. Костюм мумии, опуганной патронташами, терял свою привлекательность даже у мусульман, которые все в больших количествах вступали в секту Всадников. Молодое поколение манила атмосфера «плаща и шпаги»: воин-монах, несущий истинную веру, наследник тамплиеров, всадник... И потом, этот старый таинственный главарь, строящий из себя императора галактики, короче, все, что могло предложить прошлое Запада в плане карнавалов, приключений и старозаветного ханжества. То был чистый фантазм, эстетика *christiano-starwars*^[4], вскормленная десятилетиями виртуальных игр *ad hoc*^[5].

Очевидно, по этой причине Братья серьезно пересмотрели свой гардероб; они покопались в истории Османской империи, и результат был не лишен шика: по улицам дефилировали отряды, вооруженные саблями, разодетые, как янычары Сулеймана

Великолепного. Все это было бы неплохим развлечением, не убивай и не пытай эти люди направо и налево.

Новый удар кнута обрушился на спину бедняги. Тот вскрикнул как-то странно, это был стон удовольствия и боли одновременно. Роксанна почувствовала, как подкатили к горлу франкфуртские сосиски. С нее было довольно. Она отделилась от стены, из-за которой наблюдала за сценой, оставаясь незамеченной, и отправилась в дом двадцать три по улице От, где располагалась ее убогая квартирка.

Роксанна закурила и наполнила себе ванну. Было от силы три часа, на дворе стоял август, но уже стемнело, как зимой. Загрязнение воздуха достигло такой степени, что летнего неба больше не существовало. Когда солнце решалось все же показаться, оно было бледным и не сияло, словно устало светить на этот разлагающийся кусочек мира. Роксанна разделась и была готова погрузиться в горячую воду, но тут зазвонил ее телефон. На экране высветилось «Мехди». Он долго кашлял, как туберкулезник, потом спросил: «Ну как оно там было с божьими психами?» Роксанна описала ему маскарад и успокоила, пообещав, что никуда больше сегодня не выйдет. Они простились, и Роксанна окунулась в ванну.

Пора было уже закончиться этому цирку. Она подумала о своей матери, сестре, зяте и всей их детворе, которые бежали в прошлом году в Канаду. Гаэтан, муж ее сестры, разбогатевший на недвижимости, очень вовремя купил шестьдесят гектаров земли с двумя домишками посередине. Роксанне предложили поехать с ними, что ее удивило, но она отказалась присоединиться к маленькому отряду. Родные всегда считали ее опасной и неприспособленной невротичкой. Вряд ли теперь они могли изменить свое мнение. И потом, что за идея выбрать Канаду? Судя по доходившим до нее вестям, там жили не лучше. Они бросили вызов «бескрайним диким просторам» и оказались в чистом поле без электричества и воды. Она представляла, как ее сестра Коринна, такая кокетливая, утонченная, элегантная, хрупкая, нудная, выходит из бревенчатой хижины с ведром, идет, проваливаясь в снег по колено, к колодцу, разбивает лед своими тощими ручками... По крайней мере она была соответственно экипирована: Коринна могла бы обусть всю инуитскую деревню в свою коллекцию сапожек угги; они были у нее всех цветов: рыжие, черные, коричневые, бежевые с золотыми блестками, бежевые с серебряными блестками, серые с отливом, серые матовые, высокие и низкие, с роговыми пуговками и без. И потом, вся гамма мехов – норка, выдра, волк, бобер, барашек, целый отвратительный бестиарий, обретший наконец смысл в этом арктическом холоде и державший в тепле ее намеренно чересчур худое тело.

Мейлы, которые посылала Роксанне мать, так и сочились сожалением сквозь литанию о «необычайных причинных красотах», о возвращении к истокам благодаря этим красотам, открытии своего «я» и исконных ценностях, рожденных этими причинными красотами. Мать, очевидно, хотела сказать «первозданными» или «первобытными»; французский язык никогда не был ее сильной стороной. Роксанна задавалась вопросом, кто занимается воспитанием трех ее племянников. Коринна и Гаэтан вряд ли могли научить чему-то интересному. Малышам лучше было бы учиться охоте и рыбной ловле у старого индейца.

Роксанна окунулась с головой и на миг подумала, что можно было бы принять побольше ксинона и спокойно ждать, чтобы смерть сделала свое дело. Но у нее никогда не хватило бы духу; она давно это знала. Бессмысленно ей лелеять перспективу самоубийства по всей форме, действенного и осознанного, не оставляющего никаких сомнений в намерениях. Это

не для нее. Самоубийство не для трусишек. Это смело, это классно... Она же, Роксанна, будет продолжать о нем помышлять, бросая томные взгляды на коробки с лекарствами на столике в ванной и думая с болезненным – но о, каким сладким! – колотьем в желудке о револьвере Мехди, к которому она запрещала себе прикасаться, отлично зная при этом, что у нее нет никаких шансов пустить себе пулю в лоб. Она мечтала, грустила, жалела себя, ни капельки собой не любясь; она была жертвой своих слабостей, обреченной всю жизнь прощать себя, подобно героям бельгийских франкоязычных фильмов, которые показывали до кризиса, юношам и девушкам, ставшим жертвами судьбы, общества или предшествующих потерянных поколений, своего патрона, плохой организации дорожной сети, загрязнения воздуха в предместье Льежа и поди знай, чего еще. Героям, которые несли, как трофеи, свою ничтожность и неприспособленность к жизни.

Лучшее, до чего додумалась Роксанна, заигрывая со смертью, – не надевать, выходя из дома, маску и перчатки. Она хлопала расшатанной дверью и расхаживала по улицам отвязной походочкой: мол, меня ничем не проймешь. Поведение смешное и патетичное, где-то инфантильное, но оно впечатляло, окружая Роксанну ореолом таинственной отваги. Все попадались на эту удочку, вплоть до ее самых крутых клиентов. Она ненавидела себя за этот имидж, но еще больше за удовольствие, которое доставляли ей лица людей, становившиеся замороженными, испуганно-почтительными в ее присутствии. Только Мехди видел ее насквозь. И по этой причине он был единственным человеком, которого Роксанна уважала.

Ванна остыла. Она вышла и закуталась в грязное сырое полотенце. Стены ванной комнаты были изъедены грибком. Роксанна уже сообщала об этом домовладельцу, но какой смысл жаловаться на плесень, когда конец света стучится в дверь...

Снова зазвонил телефон. Номер был скрыт. Роксанна поколебалась, но все же ответила.

– Мадам Роксанна Дюфрей?

Мужской голос, степенный, с изысканным выговором. Роксанна Дюфрей, да, это она. Собеседник представился: Джон Гранье. Он адвокат и звонит Роксанне по поводу ее дочери.

– Моей дочери?

– У вас ведь есть дочь, Стелла Пэриш?

Стелла. Гласные и согласные зазвучали в голове Роксанны трубами Страшного суда. Но никак не получалось связать что бы то ни было реально пережитое с этим именем. Оно походило на имя голливудской актрисы 1940-х годов или героини романа. Стелла. Мозг Роксанны невероятным усилием сформулировал эту мысль: Стелла ее дочь. Остальное пронеслось в голове подобно родословной королей Франции, выученной когда-то наизусть: родилась от ее брака с Александром Пэришем, британского происхождения, оптовым торговцем чистым спиртом. Роксанна и Александр поженились девять лет назад, Стелла родилась через год после свадьбы, а спустя три месяца мать покинула семейный кров и скрылась в неизвестном направлении. Мать. Это, конечно же, она. Хотя этот факт казался ей еще сомнительным, как нечто, нуждающееся в доказательстве. Пауза затягивалась, и собеседник на том конце провода откашлялся.

– Александр Пэриш в больнице, в критическом состоянии. Ему недолго осталось.

– Мне очень жаль, – ответила Роксанна.

– Вы понимаете, что я вам говорю?

– Что, собственно, вы хотите мне сказать?

Адвокат вздохнул. Он заговорил почти ласковым голосом, как будто пытался

растолковать что-то трудное старому человеку, не вполне в своем уме.

– Когда ее отец умрет, у Стеллы никого больше не останется. Мсье Пэриш разыскал вас, чтобы передать вам ребенка. Вы согласны?

– Я могу отказаться?

– Э-э... Да, конечно. Можете.

– И что тогда ее ждет?

– Сиротский приют. Но это очень хорошее заведение, очень дорогое. Мсье Пэриш принял все необходимые меры на случай, если вы... окажетесь не в состоянии взять на себя заботу о малышке.

Роксанна чуть было не сказала, мол, ладно, приют так приют, это будет гораздо лучше для девочки. Как она будет жить с Роксанной, с ее ванной в грибке, валяющимися повсюду лекарствами и наркотиками, с ее дерьмовым характером и мерзкой привычкой дымить как паровоз? Да она не умеет даже сварить яйцо, спеть колыбельную, тем более заштопать носки... И если ей не нужен был ребенок раньше, с какой стати Александр решил, что она захочет его теперь? Он, должно быть, спятил, прежде чем подцепить Эболу, если вздумал передать дочь Роксанне. Он хоть знал, как она живет? Законнику не платят за такого рода сведения? Платят. Это слово остановило бурный поток мыслей Роксанны. Денег у Александра куры не клевали. Он наверняка оставит кругленькое состояние своей дочери, пусть даже дома в Сен-Тропе, в Куршевеле и яхта на Сен-Барте сегодня ничего не стоили, с тех пор как радикалы всех мастей сровняли с землей эти гнезда разврата.

Она спросила о деньгах. Нет, кругленького состояния, как она говорит, не предвидится. Александр был разорен. У него осталось немного, на то, чтобы лечиться и достойно умереть, но это было практически все. Его дом в Фор-Жако будет описан за долги после его смерти. А сумма, предназначенная приюту? Пропадет, если ребенок в него не поступит. Сиротские дома не могли удовлетворить все запросы с начала эпидемии, им не хватало средств. В подписанном Александром контракте было ясно сказано, что внесенные деньги в случае отказа не возвращаются. Какой дурак этот Алекс, подумала Роксанна. Не мог разыскать ее, пока не спустил оставшиеся бабки?.. На что ей теперь растить эту девчонку, наверняка капризную, привыкшую к роскоши и богатству?

– Мне нужен ответ, мадам Дюфрей...

Роксанна глубоко вдохнула, приготовившись отказаться. Но слова слетели с губ сами собой.

– Я возьму ее, – сказала она.

И поймала себя на том, что произнесла это, словно поднимая на аукционе цену на римский бюст.

– Очень хорошо, я одобряю ваше решение, – ответил адвокат, тоже заговорив голосом оценщика. – Я думаю, что эта новость скрасит последние дни мсье Пэриша, – зачем-то добавил он, словно предвещая фурор, который произведет приобретенная вещь в гостиной Роксанны.

Они условились, что Джон Гранье сообщит Роксанне о смерти Александра, и девочку передадут матери сразу после похорон. На вопрос, придет ли она на кремацию, Роксанна ответила утвердительно, о чем сразу же пожалела.

С этого дня Роксанна с крайней тревогой ждала смерти Александра. Каждый раз, когда звонил ее мобильный, сердце чуть не выскакивало из груди. Бессонница мучила ее сильнее,

чем когда-либо, случались приступы пароксизмической спазмофилии, каких не было уже много лет. Она поняла, до какой степени ее прежняя жизнь была чередой аморфных дней, проходящих в праздном и скучном оцепенении, и как она теперь жалела об этой жизни. Она поделилась своей мукой с Мехди, и мальчик попытался ее успокоить, сказав, что растить ребенка – дело нехитрое, что его мать одна вырастила девятерых и что он, Мехди, всегда готов помочь с кормежкой, прогулками и играми. В этом он считал себя спецом, мол, «помогал же мамаше с четырьмя младшими». Но Роксанна продолжала изводить себя, не в меру много курила и пила.

И день, которого она так страшилась, настал. Александр отдал богу душу в частной клинике на юге города, у которой был свой маленький крематорий. Времени с умершими от Эболы не теряли, и похороны были назначены в тот же вечер. Роксанна надела единственное оставшееся у нее платье, красное коктейльное платье, подарок Александра, чуть потертое в швах и широковатое в плечах теперь, когда Роксанна похудела. Цвет и глубокий вырез не очень подходили к случаю, но не идти же в старых рваных джинсах, и потом, Роксанна знала, что придется надеть поверх платья обязательный белый комбинезон. Она обогнула больничные корпуса. Богато одетые мужчины и женщины молча курили или беседовали вполголоса с серьезными лицами. На нее бросали неодобрительные взгляды; красное платье в этом скорбном месте было дурным тоном. Подумать только, что всего каких-то два года назад эта больница славилась своими достижениями в области пластической хирургии и пересадки органов. Перед Эболой все были равны. Новая кожа, подтянутый живот, синтетическое сердце или печень не давали вам никаких привилегий перед лицом болезни. Ей не было никакого дела, будь даже у вас новенькое тридцатилетнее тело на седьмом десятке. Роксанна готова была поручиться, что многие умирающие с радостью обменяли бы свою искусственную плоть на несколько лет, несколько месяцев, несколько дней жизни в старых, дряхлых телах.

В зале, где собирались близкие покойного, было всего три человека: мужчина лет сорока в отлично сшитом костюме, женщина азиатской наружности, толстая и безвкусно одетая, и маленькая девочка. Белокурая, очень кудрявая, она стояла к Роксанне спиной. Мужчина разговаривал с ней; оба смотрели в окно, на деревья в маленьком парке. Роксанна застыла на пороге зала. Мужчина обернулся и увидел ее. Он что-то сказал девочке, и та тоже повернулась. Они подошли к Роксанне. Мужчина протянул ей крепкую ладонь и представился: Джон Гранье. Стелла тоже протянула свою маленькую ладошку; Роксанна взяла ее в руку с опаской, будто это была змея. Она не нашла, что ей сказать, кроме «Здравствуй».

Стелла на приветствие не ответила. Она устремила на Роксанну очень светлый и острый взгляд, ничего определенного не выражавший. Этот взгляд пронзал, словно ледяной северный ветер, однако в нем не читалось злобы или даже суровости. Он был просто холоден и нейтрален, и эта-то нейтральность вызывала у того, на кого смотрели эти глаза, чувство, что он во власти природной стихии, лишённой намерений, эмоций, воли. Ветер не хочет вам зла: он ветер, вот и дует. Роксанна выпустила ручку Стеллы и бросила озадаченный взгляд на Джона. Тот отвел ее в сторону.

– Стелла почти не разговаривает.

– Почти не... Как это – почти не разговаривает? – переспросила Роксанна скорее досадливо, чем огорченно.

– Говорит, только когда это совершенно необходимо. Она была нема первые пять лет жизни, так сказал мне мсье Пэриш. Ее даже считали умственно отсталой, но все оказалось в норме. В пять лет она произнесла первое слово, сама.

– Какое же?

– Понятия не имею. Поймите меня правильно, я совсем не знаю Стеллу. Я пересказываю вам то, что говорил мне ее отец. Но он оставил вам письмо, и в нем, я уверен, вы найдете все сведения, которые могут быть вам полезны.

Гранье снова говорил, как оценщик на аукционе, рекламирующий свой каталог. Она ли, подумалось Роксанне, установила между ними этот тон во время их первого телефонного разговора, или такова была у Гранье манера изъясняться, что он заговорил о Стелле на аукционном жаргоне, кстати, хорошо ей знакомом. Гранье был не лишен привлекательности: высокий и стройный, с ироничным выражением лица, которое нравилось Роксанне, и казалось, что ему было приятно слышать ее по телефону, а теперь и видеть: ее не могла обмануть его манера скользить по ней взглядом с деланным безразличием.

– Идемте, наденем обязательные комбинезоны, – прошептал он, наклонившись к самому ее уху. – Церемония вот-вот начнется.

Они оделись и вышли в просторный девственно-белый зал, где прощались с покойным. Роксанна уже привыкла к таким экспресс-похоронам: во избежание заражения надо было отправить тело в печь как можно скорее. В таких условиях было практически невозможным присутствие родственников, живших далеко. Впрочем, у Александра было мало родни в пору его женитьбы на Роксанне. Теперь, должно быть, осталось еще меньше.

В зале их было шестеро, и началось мини-шоу, смахивавшее на короткую версию «Космической одиссеи 2001». Можно было представить, что гроб, упакованный в черный с блеском герметичный футляр, играл роль таинственного монолита, к которому обращены все взгляды, все безмолвные вопросы и который один в конечном счете узнает ответ на загадку истории.

Служащий похоронного бюро сказал несколько слов, ужасающих в своей банальности; среди них были «страдания, перенесенные с беспримерным мужеством», «наконец обретенный покой», «последний путь в неведомое» и прочие клише того же рода. Голос, доносившийся из-под шлема, снабженного микрофоном, звучал совсем как у космонавтов в кино, свистящий и прерываемый потрескиванием помех. Потом в тишине зазвучала музыка. «Мизерере» Аллегри. И в то время как хор юных голосов выводил мифические ноты, появилась голограмма – изображение Александра в натуральную величину. Он походил на того мужчину, которого Роксанна знала десять лет назад: авантажный сороковник, тело спортсмена, лицо с правильными чертами, красивое чуть суровой красотой. Не вмешайся Эбола, Александр, вероятно, таким бы и оставался всю жизнь. С некоторых пор богатые люди больше не старели или совсем чуть-чуть, и медицина обещала им в самом скором времени бессмертие. Изображение Александра улыбалось, как будто он улетал на Сейшелы. Проблема с этими проекциями была в том, что им еще не придумали занятия; Александр стоял, опустив руки, как бы не зная, что делать. Наконец он повернулся и, съезжившись, исчез с шипением перегретого тостера. Роксанна посмотрела на фигурку Стеллы, неподвижную в белом комбинезоне. Невозможно было разглядеть, в каком состоянии ребенок. Роксанне был ненавистен этот момент, но в то же время ей хотелось, чтобы церемония никогда не кончалась. Она умирала от страха, так пугала ее перспектива остаться наедине с «северным ветром».

Когда гроб медленно уехал за раздвижные двери, которые открылись, как челюсти, чтобы проглотить его, все снова отправились в раздевалку, чтобы снять комбинезоны. И вышли в тот же маленький зал с окнами в парк. Роксанна уже успела коротко поздороваться с толстой азиаткой, которая была в зале, когда она пришла. Теперь она решила познакомиться с ней поближе. Женщина была няней Стеллы три года. Возможно, она привязалась к ней, возможно, это было взаимно... Судя по тому, что видела Роксанна сегодня, это трудно было предположить, но, даже если они и не были неразлучны, попытаться стоило. Роксанна подошла к женщине, которую, как сказал ей Гранье, звали Май и приехала она с Филиппин.

– Вы, должно быть, потрясены случившимся, – начала Роксанна, пустив в ход свой роковой взгляд, тот самый, от которого сломался Марко. – А Стелла, – продолжала она, – вы ведь ее, можно сказать, вырастили, и ей предстоит расстаться с вами... Послушайте, я бы хотела вам кое-что предложить. У меня нет средств Александра, увы, но я могла бы нанять вас на пару дней в неделю, чтобы вы занимались Стеллой. Что скажете?

Невыразительное лицо Май оставалось бесстрастным на протяжении всего этого монолога. Когда Роксанна закончила, она робко улыбнулась и проговорила пару слов на смеси английского и своего родного языка. Гранье поспешил ей на выручку.

– Май не говорит по-французски. Только чуть-чуть по-английски и по-филиппински. Но все равно то, что вы ей предлагаете, невозможно. Ее уже наняли Мертенсы, у них трое детей. Мсье Пэриш договорился с ними перед смертью. Их няня умерла от Эболы.

Ну разумеется, эта бедная женщина не говорила по-французски. Будь они из Южной Америки, Африки или Азии, ни одна из этих нянек по-французски не говорила. Они годами служили белым и не разговаривали. Растили их детей, не имея возможности изъясниться на их языке. И всем было на это плевать, хозяевам, потому что они утратили само понятие о воспитании и, в сущности, уважали свое потомство не больше, чем свою прислугу; а прислуге, потому что она годами работала на европейцев, как отбывают тюремный срок. Нельзя было требовать от них веселья, когда собственные дети, один или несколько, ждали их дома, и ожидание могло затянуться на долгие годы. Роксанна все помнила, но наивно полагала, что Александр не совершил этой ошибки – взять в дом женщину, которая не сможет общаться с его дочерью и с ним самим. Они говорили об этом, когда Стелла родилась. Александр хотел нанять европейку, образованную и с хорошим французским, пусть даже придется платить намного дороже. И где были теперь его благие намерения? Надо ли удивляться, что Стелла почти не разговаривает, – почти! Роксанна покосилась на малышку: та сидела смирно, глядя прямо перед собой, и казалась глухой ко всему, что ее окружало, погруженная в свою внутреннюю пустоту.

Пора было возвращаться в свои пенаты. Роксанна пожала руку Май, потом Гранье. Он задержал ее ладонь в своей. Ему надо было передать ей письмо, которое находилось у Александра с вещами Стеллы. Гранье предложил отвезти их обеих в Фор-Жако, а оттуда они возьмут такси. По центру города он давно не ездил. Он надел маску, Стелла тоже. Увидев, как Роксанна выходит без защиты, Гранье усмехнулся:

– Ваши друзья, должно быть, считают вас этакой бунтаркой, «горячей головой». А на мой взгляд, это ребячество и безответственность.

– Меня не интересует, что вы думаете, мсье Гранье, – ответила она с улыбкой.

Молча они добрались до Фор-Жако и въехали в роскошный compound^[6], где у

Александра была вилла. Вооруженные до зубов охранники, сторожившие вход, выглядели усталыми, апатичными. Автоматы они держали неловко, как будто стеснялись, находя их безобразными и громоздкими, в чем с ними, пожалуй, можно было согласиться. Но если военные начинают тяготиться своим оружием, значит, неладно что-то в Датском королевстве. Эти парни были фламандцами, которым плохо платили за защиту вымирающего вида, богатых валлонцев.

Здание было огромное, претенциозной и негармоничной архитектуры, украшенное снаружи и внутри современными вещами – то ли произведениями искусства, то ли инструментами для управления сложной межпланетной деятельностью. Все было девственно-белым. Роксанна прикрыла глаза от яркого света, лившегося в гигантское, во всю стену, окно. Стекло тотчас потемнело по всей поверхности. Домашний компьютер работал на совесть.

Два больших чемодана от Вюиттона гордо стояли в центре гостиной – ну просто реклама престижной марки, как в магазине. Но вид у них был унылый и скорбный: в них были вещицы, которые Стелла увозила отсюда навсегда, не все ее вещи, конечно, но основное. Основное, что было у Стеллы, важная часть жизни Стеллы за все годы в этом доме была здесь, в идеальном порядке, уложенная в два чемодана. Ни лишней сумки, ни плюшевого медвежонка, подушки, большой игрушки, которую было бы трудно упаковать. Ничего, только два изысканно-строгих чемодана, одиноко стоящих в этой фантастической декорации.

Гранье был в кухне, где наполнял два стакана шотландским виски двадцатилетней выдержки. «Ну вот, – подумала Роксанна, – начинаются брачные танцы». Он протянул стакан Роксанне и поднял свой.

– За вашу новую жизнь, – сказал он, улыбаясь уголком рта.

Потом обратился к компьютеру:

– Джана, что-нибудь классическое, вечное, что-нибудь...

Зазвучал голос Джесси Норман. Известный романс Рихарда Штрауса. Они попали прямиком в розовый романчик. Роксанне хотелось немедленно покинуть это место, но от стакана старого чистого солода не так легко было отказаться. Они чокнулись, и на этот раз она не осушила стакан залпом, а посмаковала один глоток янтарной жидкости. Боже, как это было чудесно! Она почти забыла вкус за все эти годы, когда пила сивуху. Пришлось признаться себе, что забыла она и то, каково быть под взглядом мужчины вроде Гранье. Не стоило вспоминать о симуляции в постели, но и без того редкие мужчины, с которыми она общалась, были грубы, невоспитанны, без малейшего изыска. Некоторых она хотела по этой самой причине, и желание это всегда рождалось из удовольствия превосходить их интеллектуально.

Роксанна обнаружила, что ее стакан пуст. Гранье тоже это заметил и налил ей еще. Чуть враскачку, очень продуманной походкой он обогнул центральную стойку и подошел к ней. Роксанна ожидала, что он скажет что-нибудь слащавое вроде: «Вы очень красивы в этом платье, Роксанна», и именно это он сказал. Роксанна: второй раз он произнес ее имя. Все давно называли ее только Рокси. Рокси – имя для поп-старлетки, кассирши из супермаркета, спекулянтки «дурыю» и фальшивыми лекарствами, какой она и была.

– Вы думаете, что оно вам больше не идет, что вы – женщина, не созданная носить такое красное платье. Вы ошибаетесь.

Роксанне захотелось дать ему пощечину. Потому что он был прав. Ей вдруг стало стыдно.

Она почувствовала себя уродливой и костлявой в этом декольте, приоткрывавшем ее маленькие груди: они жалко прятались, вместо того чтобы гордо выпирать, как прежде. Гранье положил руку ей на бедро. Роксанна не противилась. Не могла же она, оставив его, сходить в ванную и подправить грудь, как подправляют макияж. Сойдет и так, решила она.

Рука продвигается к ягодицам, но по пути почтительно задерживается на пояснице, как это делают руки хорошо воспитанных мужчин из определенного круга. Те, к которым привыкла Роксанна, набрасываются на ее зад неистово, чисто дети, порой это даже трогательно. Другая рука Гранье прокладывает путь под ее волосами и скользит по затылку; это очень приятно, даже больше, чем приятно... Желание поднимается грубо, яростно, и у нее вырывается тихий вскрик удивления и удовольствия. От этой ласки, такой глупой, парни, которых она приводит к себе, почти никогда так не делают. Это тоже изыск, она забыла, до чего это приятно, как и вкус старого чистого солода. Рука, занимающаяся ягодицами, спускается очень медленно, вот она добралась наконец до самого низа, туда, где плоть такая нежная, дряблая у иных женщин, но не у Роксанны. Ягодицы – ее гордость. Пусть он щупает их, пусть мнет, как хочет, законник. Она не возражает. Губы Гранье на ее шее, они нежные и крепкие одновременно, почти идеальные. Рот адвоката покрывает ее горячими влажными поцелуями и добирается наконец до ее губ. И так прекрасно, так долго, так совершенно синхронно сливаются их губы, языки, дыхание. Нечасто первый поцелуй приводит вас в такое состояние. Может быть, еще и потому, что на самом деле Роксанна хочет этого поцелуя уже несколько часов, с маленького зала в крематории, когда Гранье повернулся к ней, такой безупречный в своем дорогом костюме в тонкую полоску. Роксанна вдруг замечает, что стоит неподвижно, свесив руки вдоль тела, как кукла или целка-недотрога. Что подумает о ней этот умелый мужчина, так изысканно ее тискающий? Но ей не хочется ничего делать, только стоять вот так, расслабившись, принимая ласки и поцелуи. Но не так это происходит обычно между мужчиной и женщиной, когда они впервые вместе. И она решается погладить ему затылок одной рукой, а другую запускает между ног, но без особого убеждения. Ей не хочется оказаться сразу с пенисом в вагине, лучше пусть он еще ее трогает, целует в затылок, сюда, да; сюда, еще, и сюда, под плывущую музыку Штрауса... Но Гранье явно не намерен ждать. Он уже спустил брюки и задирает ей платье. Больше потому, что она не хочет заканчивать так скоро, чем из уважения к ребенку, Роксанна чуть отстраняет Гранье и говорит:

– А Стелла? Что, если она сейчас войдет?

– Вы правы, – шепчет мужчина. – Идемте.

Ей нравится, что он продолжает говорить ей «вы», после того как потискал ее ягодицы. Он ведет ее в соседнее с кухней помещение, большую белую прачечную такого же межгалактического вида. Дом Александра – это, должно быть, большой корабль, готовый отчалить в космические пространства в день, когда все станет совсем плохо. Но никто об этом не знает, кроме Александра, а он умер.

Гранье подталкивает ее, целуя, к стиральной машине. Приподнимает, помогая сесть, раздвигает ей ноги и входит в нее. Как в масло. Она бы предпочла, чтобы это не было так легко, чтобы ему пришлось ее подготовить, пальцем, может быть, ртом, но, наверно, она слишком много хочет. Войдя в нее, Гранье становится похож на большинство мужчин, с которыми она спала. Проникновению почти всегда не хватает чего-то нечаянного, неожиданного, думает она, пока он движется взад-вперед в размеренном и уже скучном ритме. Она не находит слов, чтобы выразить свое разочарование. Почти всегда этому недостает...

слияния? Да, вот именно, слияния. Всякий раз у нее это чувство, что две сущности никак не могут встретиться, мечутся, каждая в плену у себя самой, своей неспособности соединиться с другим. Как жидкости, которые никогда не смешаются, потому что их молекулы не созданы для этого.

Роксанне хочется, чтобы это кончилось. Нет ничего лучше, чем изобразить оргазм, желательно экстравертированный. Ускорить темп. И она делает это так же талантливо, как дурит своих клиентов. Она королева лжи и притворства, богиня отвлекающего маневра. Мужчина кончает, не особенно мощно. Он тут же выходит, убирает пенис, застегивает брюки. Вот и все. Роксанна надевает трусики, одергивает платье. Ей неприятно ощущать сперму, пропитавшую ткань, на половых губах и на ляжках. Гранье не надел презерватива. И он еще возмущался, что она не носит маску! Как бы то ни было, риска залететь нет: Роксанна удалила репродуктивные органы после рождения Стеллы. Они уже снова в кухне.

– Я налью вам последний на дорожку?

Роксанна не обращает на него внимания. Она смотрит на большую магнолию в цвету за окном. Музыка смолкла. Но аккорды еще звучат в голове Роксанны. Последние аккорды этой сумеречной музыки, которые сопровождали их смешную сексуальную карусель и отхлынули в омут тишины, оставив их наедине с их одиночеством. Мужчина что-то сказал. Он что-то сказал. Что он там говорит со своей неизменной полуулыбкой? Я сожалею, это было грустно. Так хорошо начиналось, вы и я, мы могли бы сделать это красиво и от души. Но я полный ноль, я взял вас, как животное, оставив нас обоих одинокими и ничтожными. Простите.

– Простите?

– Последний стаканчик?

– Нет, спасибо. Мне пора.

– Как хотите. Я вызову такси.

Пока он звонит, Роксанна выходит в гостиную. Тут же, как по волшебству, появляется Стелла, следом за ней Май, она несет пальтишко от Барберри и кладет его на кресло рядом с малышкой. Стелла стоит возле чемоданов. Взгляд устремлен далеко, в сад. Кажется, что она совершенно отключена от всего, что ее окружает, и от себя самой.

Роксанна вспоминает о письме и возвращается в кухню, чтобы попросить его у Гранье. Тот достает его из кармана пиджака. Это простой белый конверт, из дешевой бумаги, имя Роксанны написано на нем большими буквами. Звонят. Это такси. Стелла машинально поворачивается и направляется к Май, которая ждет, стоя в углу, точно бонна восемнадцатого века. Девочка целует ее, перекидывает пальтишко через руку жестом банковской служащей из Сити, потом подходит к Роксанне и берет ее за руку, так же машинально. От прикосновения мягкой и пухлой ладошки у Роксанны возникает неприятное ощущение – будто она держит новорожденного мышонка, слепого и голого. Роксанна прощается с Гранье и Май, и они уходят.

Роксанна!

Нет нужды тебе знать, почему я тебе доверяю. Мое решение абсурдно, совершенно безрассудно, после того как ты нас покинула. Оно тем более безумно, что сегодня я знаю, как ты живешь. Даже теперь, на пороге смерти, я так и не смог объяснить себе, что побудило меня поручить тебе Стеллу. Я отчаялся и уже не пытаюсь.

Ты теперь с нашей дочерью, которая смотрит на тебя своими ледяными глазами или как будто вовсе не замечает твоего присутствия. Тебе, должно быть, не по себе,

страшиновато или даже досадно. Вы, надо думать, в твоей квартирке под крышей в квартале Миним. Ты знаешь от Джона Гранье, что Стелла не любит разговаривать, что первые слова она сказала в возрасте пяти лет. Я показывал ее всевозможным врачам и психотерапевтам. Ни один не смог поставить точный диагноз. Ни аутизма, ни дисфазии, ничего у нее не распознали. Стелла странная, и ее отношение к жизни практически недоступно понимаю. Со мной у нее иногда случаются внезапные порывы нежности, но это бывает редко и ненадолго. Она никогда не была по-настоящему привязана ни к одной из своих нянь. Ни к кому, кроме меня. Стелла пошла в школу, как только заговорила. Там у нее никогда не было друзей, но другие дети принимали ее и не обижали. Она, как правило, отказывалась отвечать на уроках, но исправно делала письменные задания. Она умеет читать, писать и считать и, похоже, не отстает в умственном развитии. Иногда она объясняется жестами. Это ее собственный язык, очень логичный и внятный, ты его быстро выучишь. Я мог бы написать о ней множество страниц, но я слишком устал для этого и даже не уверен, что тебе это поможет. Не стану скрывать, я долго считал проблемы со Стеллой следствием того факта, что ты нас оставила. Это было удобно, снимало с меня бремя ответственности. Но сегодня я уже не знаю, что думать.

Может быть, если вы обе останетесь живы, вам однажды удастся пролить свет на личность Стеллы. Я верю в это, и мне легче готовиться к смерти. Я совершенно уверен, что прав, поручив ее тебе. В конце концов, ты ее мать, и это, думается мне, единственное, что сегодня имеет значение.

Я целую вас обеих и желаю вам удачи.

Александр.

Так. Звучит не очень обнадеживающе. Восьмилетняя девочка, которая умеет говорить, но не хочет по непонятной причине, изъясняется жестами, когда ей вздумается, не привязана ни к чему и ни к кому, кроме отца, да и то в пропорциях, остающихся загадкой. Совершенно непроницаемая девчонка со своей неизвестной матерью. Роксанне вспомнились статуи, изображающие Неизвестного солдата, образ войны 1914 года, символизирующий всех солдат, павших на фронте. Двадцать первому веку следовало бы воздвигнуть памятник Неизвестной матери. Ни одна эпоха не знала такой нехватки матерей, по самым разным причинам. Было как минимум три категории неизвестных матерей – мученицы, жертвы и стервы. Мученицы умирали до срока. Жертвы бросали ребенка, слишком рано появившегося в их жизни или рожденного от изнасилования, что было главной причиной оставления. Женщины же из последней категории, к которой принадлежала Роксанна, попросту бежали с корабля, из трусости, из отвращения к жизни и к себе самим. И последних становилось все больше, из всех мест и всех культур, от бедных деревень Индии до роскошных гетто Калифорнии. Материнский инстинкт медленно угасал у рода человеческого.

Роксанна пошла в кухню приготовить подобие обеда. К приезду Стеллы она накупила уйму полуфабрикатов. Она достала из морозильника две пиццы и поставила их в духовку. Ждала и курила. Ей не хотелось возвращаться в гостиную, сидеть рядом с безмолвной девочкой. Она могла бы взять «Большие надежды», открыть на том месте, где остановилась вчера, когда Пип, герой, присутствует на похоронах своей несносной сестры, которая якобы воспитала его «своими руками», криводушное создание. У Пипа не было матери, но он общался, был забавным, ловким, трогательным, идеальным мальчуганом, которого даже

самая бесчувственная мать приняла бы в объятия с радостью. Почему же Роксанне не достался в наследство Пип вместо этого бесплотного существа, ледящего до костей? Духовка звякнула, это означало, что пиццы готовы. Роксанна выложила их на две мало-мальски чистые тарелки и понесла в гостиную. Круглый столик, служивший письменным столом, был уже очищен от бумаг, и Роксанна поставила на него тарелки рядом с двумя стаканами воды, принесенными заранее.

– Стелла...

Девочка медленно подняла на нее глаза. Нет, все было скверно. Роксанне хотелось ударить девчонку, лишь бы ее лицо переменилось, лишь бы появилось на ее мраморных чертах выражение, все равно какое, пусть даже боли или непонимания. И тут что-то возникло в водянистом взгляде малышки: какой-то свет промелькнул в нем. Только на миг, и глаза вновь стали гладкими и холодными. Почувствовала ли девочка приступ ярости, сотрясавший изнутри Роксанну? Стелла поднялась и села за стол. Она начала есть, и ничего в ее движениях, в ее манере жевать не говорило о том, голодна ли она, нравится ли ей еда или нет. Александр лопухнулся: его дочь была не человеческим существом, но андроидом. Или злая фея сыграла злую шутку с несчастным одиноким отцом: украла его ребенка, настоящую Стеллу, из колыбели и подменила ее клоном, лишенным всяких чувств. Роксанна не могла позвонить Гранье и сказать ему: «Я передумала. Мне подсунили негодный товар. Стелла не девочка. Нет, нет, уверяю вас. Она что-то другое, я не знаю что, но другое».

Обед закончился, как и начался, в унылой атмосфере. Роксанна посмотрела на часы на мобильнике. Скоро придет Мехди. Они должны были доставить товар одному типу в Схарбеке^[7]. Но Роксанна пойдет одна, а Мехди останется со Стеллой. Когда в квартире раздалось пронзительное дребезжание старого звонка, Стелла и бровью не повела; она не отрывалась от своего аватара в дурацкой игре на планшете, *Apple «Friend»* последней модели; машина постоянно предлагала ребенку всевозможную деятельность в зависимости от его психологического состояния. Без передышки. Роксанна подозревала, что даже ночами Стеллу преследует голос Френда, поющий по-английски или по-китайски, чтобы малышка не просто спала, а учила языки.

Неистовый Мехди ворвался в квартиру. Он прыгал, как блоха, а лицо его подергивалось сильнее, чем когда-либо. Боясь, что он напугает ребенка, Роксанна задержала его на несколько секунд в кухне, чтобы успокоить. Она сообщила ему, что он может приступить к своим обязанностям бебиситтера сегодня же вечером. Уголки губ Мехди вдруг опустились, как у грустного клоуна. Они так не договаривались, и «нет речей», чтобы он отпустил Роксанну одну, как собаку, к этой скотине Бэтмену. Этот Бэтмен был психопатом, работавшим в костюме знаменитого американского героя. Никто никогда не видел его лица, и он нюхал и колол столько всевозможной пакости, что думал, будто умеет летать. Он уже сообщил в видео, выложенном в Интернете, что скоро совершит этот подвиг с Южной башни. Кто-то, заверивший его однажды, что, в отличие от Супермена, Бэтмен не летал, получил нож между глаз. Больше никто не смел перечить его фантазму. Вряд ли о нем кто-нибудь пожалеет в день, когда он разобьется о бетон, но Роксанна должна была признать, что Бэтмен был отличным покупателем, платил исправно и без задержек, не мелочился, и она регулярно уговаривала его отложить попытку полета на попозже.

Мехди вошел в гостиную, растянув рот на манер античной маски трагедии. Стелла подняла голову и, увидев его, состроила в точности ту же гримасу. Роксанна, вместо того

чтобы обрадоваться знаку общения, который призывала всей душой уже несколько часов, пришла в ярость. Стелла напонила ей тех детей, что без причины показывают язык людям, проявляющим к ним доброту. Но Мехди было этим не смутить; его рот растянулся в широкую улыбку. Стелла, однако, больше на него не смотрела, вновь погрузившись в свою игру.

– Здравствуй, Стелла, – сказал Мехди, протянув ей руку.

Никакой реакции. Роксанна вздохнула.

– Не стоит. Она немного... странная. Я тебе потом объясню. Сейчас мне пора.

Она надела подходящий к случаю костюм, плащ и никаб, взяла дорожную сумку с товаром.

– Пусть она спит в моей кровати. Я положу матрас на пол. Если я не вернусь через два часа, позвони Мило, – сказала она в дверях, голос был заглушен покрывалом у губ.

– О'кей, Рокси. Осторожней, милка!

Но Роксанна была уже на лестнице. Мехди закурил и сел рядом со Стеллой. Он стал расспрашивать ее об игре, но Стелла не отвечала.

– Знаешь, когда я был маленьким, у нас был один планшет на девятерых. Мы жили в Сен-Жоссе^[8], в двухкомнатной квартирке...

И готово дело. Мехди унесся к радостным часам своего детства, он вскочил и расхаживал взад-вперед, подпрыгивая на каждом шагу на своих лягушачьих ногах. Его сбивчивый рассказ прерывался короткими приступами кашля. Он рассказывал, как они жили, теснясь в маленькой квартирке, как дрались и играли, какой кускус готовила мать, как заходили в гости соседи, но и как холодно было зимой, когда отключали газ за неуплату. И как умирали, сестренка Айша, в пять лет, от гриппа, братишка Халед, которому отрубили голову Братья-мусульмане, и другой брат, Надир, казненный Всадниками Апокалипсиса в прошлом году, и наконец старшая сестра Джамия, унесенная Эболой. Осталось пятеро детей, но один Мехди еще жил с матерью. Он любил ее больше всех на свете, даже больше, чем Рокси, та была ему как сестра, но мать, зеница его ока, любовь его жизни, он ее никогда не покинет, нет, никогда, потому что... Стелла перебила его:

– Как ее зовут?

– Мариам.

– Мариам, – повторила она имя, старательно артикулируя.

Стелла на несколько секунд всмотрелась в глаза Мехди, очень внимательно, словно искала что-то в его взгляде, потом положила планшет на столик, встала и ушла в спальню Роксанны. Она закрыла за собой дверь. Мехди не знал, что делать. Он пошел следом и встал у двери. Через несколько минут погас свет. Он сказал:

– Ну ладно, спокойной ночи. Если что, позови меня. Я здесь, никуда не уйду.

Он уснул, сидя на старом диване. Его разбудило около полуночи сообщение от Роксанны: все прошло хорошо. Она решила пройтись в центр и вряд ли вернется до утра. Спасибо, если он останется на ночь.

* * *

В «Галактику» стояла очередь, но Роксанна всех обошла: она хорошо знала одного из портье, которому продавала всякие запрещенные снадобья. Под куполом неистово отплясывала толпа. Диджеев давно не было в ночных клубах, но искусственный диджей

«Галактики» был одним из лучших в Европе. На сей раз Роксанна пришла не затем, чтобы вилять бедрами и потеть на танцполе. Она хотела потратить деньги, которые заработала; ей нужен был трах, и дорогой. Опыт с Гранье оставил у нее гадкий привкус во рту. Она сразу направилась к маленькой дверце, ведущей в «Парадиз». Хостес подала ей шлем и провела в одну из «спален». Роксанна легла на софу и надела шлем на голову. Мужской голос предложил ей закрыть глаза и расслабиться. Раздались звуки «Партиты № 1» Баха. Что-то щелкнуло, вздрогнуло в ее мозгу, и кайф начался.

Роксанна сидела в шикарном ресторане, одетая в шикарное черное платье, окруженная шикарными людьми. Она кого-то ждала. Мужчину. Но ей не хотелось всех этих предварительных любезностей, ей надо было просто трахнуть. На сей раз ей не нужно было, чтобы он пришел, сел напротив, заговорил с нею о Китсе или Вирджинии Вулф, заказал вина. Сколько можно – еще есть, улыбаться друг другу, выйти, взять такси... Желание Роксанны было тотчас исполнено: она оказалась в комнате, на кровати. Нет, она не хотела кровати, стол, вот что ей было нужно. И она очутилась на столе. Мужчина был рядом. Он поцеловал ее в губы, эти полные мягкие губы она так хорошо знала, потом посмотрел на нее. Она видела, как светятся его миндалевидные, очень светлые глаза в полумраке. И этот взгляд окрылил ее, как всегда.

Она всякий раз выбирала одного и того же виртуального партнера, английского актера, который играл непростых мужчин с избытком нейронов и, стало быть, не лишен был сексапильности. Ему было за пятьдесят, и выглядел он на все свои, потому что был одним из тех, кто отказывался от благ омолаживающей медицины. По крайней мере, пока у него была работа. Он любил ее долго, предвосхищая каждое ее желание. Спереди, сзади, сидя, лежа, в разном темпе. В какой-то момент он замер в ней, как она хотела, и Роксанна неистово кончила. Но испытанное наслаждение было печальным и горьким, и ей не хотелось показать этого аватару столь пронизательного британского актера, на чьем лице уже появилось сочувственное выражение. Он тотчас вышел и лег рядом с ней, глядя на нее своими прекрасными глазами ездовой собаки, теперь непроницаемыми. Роксанне это не понравилось. Она зажмурилась и сделала вид, будто спит. Проснувшись она разочарованная, еще более несчастная и одинокая, чем когда пришла. Она выкинула свой заработок за два месяца на это развлечение, нисколько ее не порадовавшее. Она еще час подергалась на танцполе, потом вернулась домой и легла, скорчившись, на матрас рядом с диваном, на котором спал Мехди.

Назавтра отключили электричество на целых три дня. Первый день прошел относительно спокойно. Люди давно привыкли к отключениям, ставшим необходимыми из-за нехватки энергии. Но вечером, вскоре после восьми часов, недовольные высыпали на улицы, выкрикивая свой гнев и круша все, что попадалось, – машины, витрины, да и головы прохожих, имевших несчастье встретиться им на пути. Повсюду вспыхивали пожары. Роксанна и Стелла заперлись в квартире; они наблюдали в окно за оравой молодых парней, лупивших трех человек, очевидно, бомжей, судя по их лохмотьям и туго набитым пластиковым мешкам. Роксанна узнала среди них старика, которого часто встречала на площади Пти-Саблон. Он играл там на скрипке, а рядом с ним спала маленькая собачка. Роксанна иногда останавливалась послушать его; в репертуаре были ностальгические вальсы, инструментальные версии французских песен былых времен. Парни били старика его же инструментом. Собачки нигде не было видно.

Стелла смотрела на эту сцену без всяких видимых эмоций. И было даже ужаснее видеть невозмутимого ребенка перед этим зрелищем, чем само зрелище. Роксанна бесцеремонно отстранила Стеллу от окна и велела ей идти спать. На следующий день разгул насилия в городе продолжился, и, не в пример тому, что происходило обычно, дневной свет, казалось, усилил ярость жителей. Роксанна отменила две «деловые» встречи и упросила Мехди посидеть дома. У нее кончились сигареты, и она решила выйти посмотреть, открыт ли маленький магазинчик на углу. Надежды не было, но, сидя взаперти, она буквально лезла на стенку. На лестничной площадке этажом ниже стояла мадам Поэлар в стареньком халате, неподвижная, свесив руки и глядя пустыми глазами. Она бормотала что-то бессмысленное, обращаясь к кому-то невидимому: «Если увидишь его, скажи, чтобы возвращался пораньше...» Роксанна спросила, как она себя чувствует, не дождавшись ответа, отвела ее домой и усадила в кресло у окна. До сих пор старушка была более-менее в своем уме. Очевидно, события ускорили старческую деменцию в ее усталом мозгу.

На улице стоял сильный запах гари; густой дым поднимался над крышами откуда-то с площади Саблон. Магазинчик был закрыт, как Роксанна и ожидала. На паперти церкви Нотр-Дам собралась толпа. Скученные фигуры выглядели спокойными, стояли, сторбившись, и смотрели все в одну сторону, как смотрят шахтеры на своих собратьев, жертв взрыва рудничного газа, на картинах Константина Менье^[9]. Среди них были жители квартала, но они казались неузнаваемыми, словно их исказило представшее зрелище. Роксанна подошла к группе и обнаружила объект их внимания: к церковным воротам был прибит мальчик, похоже, совсем маленький – лет шести или семи, не больше. Его головка в обрамлении длинных кудрей лежала на щуплой груди. Из пробитых гвоздями рук стекали густые ручейки подсохшей крови. Связанные одна перед другой ноги опирались на маленький помост, приколоченный к воротам. Он выглядел мертвым. Никто не решался к нему прикоснуться. Мужчина и женщина держались за голову, бормоча молитвы. Другая женщина тянула руку к ребенку, к самому его лицу, но ее дрожащие пальцы не смели дотронуться до принесенной в жертву юной плоти. Над воротами, в каменной нише, восседал на троне Бог Отец, бородатый старец, и, поддерживая распятого Сына, являл свой образ миру.

Плач и стоны поднимались от толпы, но все стояли неподвижно, словно парализованные. Казалось, какой-то болевой транс овладел этими людьми, погрузив их в состояние измененного сознания, которое могло длиться вечно. Как будто режиссер-извращенец накачал своих актеров наркотиками, позволив тем самым вынести зрелище этого распятого ребенка, чтобы явить захватывающую живую картину. Уже и на Роксанну начинало действовать это остановившееся время, этот ужас, разделенный в летаргии. Она присоединилась к другим «плакальщикам» и тоже играла роль в этом ремейке средневековой мистерии. Вообще-то она никак не могла поверить в реальность этой сцены; это была иллюзия, фикция, и это вскоре подтвердится, думала она, когда ребенок поднимет голову и улыбнется статистам вокруг. Тишину разорвал крик. Одна из женщин упала. Жуткие чары рухнули; молодой человек пощупал шею мальчика и обернулся к остальным: ребенок мертв. Гвозди вытащили, и снова мозг Роксанны отказался видеть в этом что-либо иное, кроме оригинальной театральной версии снятия с креста. Но когда ребенка положили на землю и она увидела его, лежащего в своих одежках уличного мальчишки, в брюках «Найк», слишком широких для его тонких ножек, в стареньких кроссовках с дырявыми подметками, к горлу подкатила тошнота, она отошла, и ее вырвало на ступеньки утренними хлопьями. Потом она попросила сигарету у какого-то мужчины, который закуривал на другой стороне

площади, и выкурила ее до фильтра, вдыхая каждую затяжку так, будто курила в последний раз в жизни; возможно, в конце концов, так оно и было.

Вернувшись в квартиру, она застала там сидевшую на диване мадам Поэлар. Длинные седые волосы, которые она всегда стягивала в узел на затылке, были рассыпаны по плечам; Стелла медленно расчесывала их щеткой, а старая дама тараторила без умолку. «Вернись, мой Кару, – говорила она, игриво хихикая, – иди к бабуле...» Это было уж слишком, эта бесплотная Офелия расселась в ее гостиной, а маленький робот наводил ей красоту! Роксанна терпеть не могла старуху Поэлар; эта маленькая мерзавка, вся сморщенная от преклонных лет, была, однако, полна злобной энергии. Однажды она выплеснула кипяток из своего окна на Мехди, когда он ждал, чтобы Роксанна бросила ему ключи. Она схватила старуху за руку и подняла ее; в носшибануло мощным запахом немытого тела и мочи. Мадам Поэлар взвизгнула, точно хищная птица: прядь ее волос зацепилась за щетку, которую держала Стелла. В садистском порыве Роксанна дернула сильнее, и прядь частично осталась в щетке. Стелла наблюдала за матерью, как ученый за движениями лабораторной мыши в клетке. Роксанна бесцеремонно выволокла старуху на лестницу и водворила в ее квартиру.

– Я не желаю больше видеть вас у себя, ясно? Если вам кто-то нужен, позовите вашего дурака сына, а меня оставьте в покое!

Старая карга смотрела на Роксанну со злобной ухмылкой, словно говоря: «Я еще вернусь. Кричи сколько хочешь, а я вернусь!» Роксанна подумала, не позвонить ли самой ее сыну теперь, когда у старухи съехала крыша... Юбер был лицемером и подхалимом, и Роксанна подозревала, что он завязан с сектой Всадников. Он работал в Министерстве внутренних дел, перебирал бумажки, жил один на другом конце города и мать навещал редко. Она сняла трубку допотопного стационарного телефона, но тотчас повесила. Там будет видно. Однако ей больше не представилось случая позаботиться о судьбе мадам Поэлар. За нее это сделали другие.

* * *

Подтыкая Стелле одеяло, Роксанна вдруг замирает. С лестничной клетки доносятся крики. Треск выламываемой двери. Снова крики, грохот. Роксанна поднимает Стеллу с постели, гасит свечу на ночном столике, зажигает фонарь и, приложив палец к губам, призывает малышку к молчанию. Обе направляются в ванную. Роксанна берет длинную палку с крюком на конце, цепляет вделанное в потолок кольцо и тянет. Открывается люк, к которому подвешена раскладная лестница, она разворачивается и опускается до пола. Этажом ниже несколько раз слышится характерный визг мадам Поэлар. Снова грохот, падает мебель, бьется посуда. Роксанна подсаживает Стеллу первой, лезет следом, убирает лестницу, закрывает люк и гасит фонарь. Они сидят, пригнувшись, на полу в полной темноте.

Роксанна замечает, что Стелла шумно дышит и слегка дрожит. Одной рукой она обнимает девочку за плечи, та чуть сжимается. Это их первый физический контакт, если не считать «нордического» рукопожатия на похоронах. Роксанна остается в этой защищающей позе, скорее чтобы успокоить себя. Они вздрагивают от выстрела, следом слышится треск и тяжелый топот в квартире. Внезапно – тишина. Роксанна и Стелла не дышат. Люди внизу

обшаривают квартиру, как будто знают, что искать. Голос говорит: «Ломай пол!» Запас лекарств спрятан рядом, в нескольких сантиметрах от Стеллы и Роксанны. Открыть бы люк и сбросить его в ванную, тогда они бы, может быть, остановились, а не то будут искать дальше, пока не найдут их. А если найдут, эти типы точно с ними расправятся, она это чувствует. Она это знает. Какой-то голос внутри ясно ей это говорит. Ее рука по-прежнему обвивает плечики Стеллы, которая больше не дрожит, даже не вздрагивает, она неподвижна как статуя, и ее присутствие не дает никакой поддержки, никакой надежды. Парни внизу устроили настоящий разгром, то же, что сделали у мадам Поэлар, если судить по шуму. Но шаги приближаются к ванной, медленно, неотвратно. Роксанна не помнит, не забыла ли палку с крючком внизу. Если так, то им крышка. Тип стоит прямо под ними, он неподвижен. Видимо, прислушивается. Принюхивается, чувствует страх, сочащийся сквозь потолок; сейчас он поймет... Но тот, кто уже говорил, кричит из гостиной: «Сваливаем!» Они уходят. Роксанна и Стелла сидят неподвижно еще несколько минут, потом выбираются из тайника.

У Роксанны подкашиваются ноги, кружится голова. Она опускается на диван. Стелла садится рядом и кладет головку ей на грудь. У Роксанны набухает ком в горле. Огромный вздох застрял в трахее. Он раздувается, ей больно, сейчас он прорвется. Рука девочки обвивает талию Роксанны. И ком прорывается хриплым, шумным выдохом. Стелла поднимает глаза и видит, как текут по щекам матери слезы.

* * *

Живы и невредимы, обе. Они ушли. Опасности больше нет. Пока. Потому что опасность везде, все время, она здесь. Все не так, как в доме ее отца. Там было надежно, по всем признакам безопасно, люди говорили друг с другом вежливо, спокойно. «Добрый день, Александр, хорошо отдохнули в Исландии?» – «Да, спасибо, мадам Дювоскель, это было изумительно, а вы как полечились в Кибероне^[10]?» Но за этой вежливостью крылось напряжение. Хорошие дни подходили к концу, до него было рукой подать. Стелла это знала. Отец, до того как заболел, знать не хотел. Все продолжали жить, покупать машины, одежду, телефоны, компьютеры, как будто это было навечно. Эта женщина рядом с ней на диване не отдыхает в Исландии, не лечится на курортах, у нее даже нет машины. Ей сказали, что эта женщина – ее мать. И сейчас ее мать плачет. Она, Стелла, никогда не плачет. Она не умеет плакать. А иногда хотела бы. Похоже, многим этого хочется. Но не выходит. Она смотрит на эту плачущую женщину, ее мать, и не знает, что думать. Она понимает, что надо что-то сказать. Но что? Стелла никогда не находит нужных, верных слов. Язык – такое бедное, такое убогое средство общения. И она только крепче сжимает бедра Роксанны и снова опускает голову ей на грудь.

Рука Роксанны робко поднимается и ложится на головку Стеллы. Девочка тотчас вырывается, как будто прикосновение ее обожгло. Никогда не трогать ни головы, ни лица! Она этого не выносит! Она запросто может забиться в истерике, стать «дурой». Так называл ее в школе Жонас: «дура». Все лучше, чем «дебилка», «психованная», «умственно отсталая». Жонас иногда просил разрешения сесть с ней рядом, чтобы списывать на контрольных. Она не возражала. Она вообще не возражала, пусть говорят и делают что угодно, все. Учительница ничего не замечала. И предыдущие тоже. Они предпочитали ничего не знать, как ее отец о конце света. Потому что именно это происходило; этот свет был болен, и он

умирал. И никому и ничему было это не остановить.

На следующий день электричество включили. Они узнали, что авария была планетарного масштаба. Никто толком не знал, отчего, одни говорили о буре на Солнце, другие о террористическом акте, о Божьей каре... Самоубийства за последние три дня исчислялись миллионами. На Опаловом берегу^[11] нашли десятки трупов у подножия утеса. Мужчины, женщины, дети лежали вповалку, точно сломанные куклы, на галечном пляже. Они все вместе бросились в пустоту, как те стада лошадей и туров в доисторические времена, чьими костями усеяна земля у подножия скалы Рош-де-Солютре. Один из самоубийц оставил в своем доме в Берк-сюр-Мер записку, в которой объяснил, что лучше смерть, чем отсутствие работающих компьютеров, телевизоров, планшетов, телефонов. Подобно доисторическим животным, которых, вероятно, толкнул на смерть некий религиозный мотив, самоубийцы из Па-де-Кале совершили жертвоприношение богам экранов. И, вне всякого сомнения, эти боги приняли жертву с большим удовольствием: уже через несколько часов можно было снова смотреть модные реалити-шоу – *In bed with Sabrina*^[12], где порнозвезда помогала людям, страдающим от сексуальных проблем, или «Смерть среди друзей», в котором показывали агонию одиноких больных раком, благодаря трансляции получавшим возможность умереть с новыми друзьями.

* * *

А вот мадам Поэлар умерла в одиночестве, ей разбили голову одной из ее же ужасных безделушек. Роксанна обнаружила ее, когда решила наконец выйти на разведку. Все жители дома двадцать три по улице От были зверски убиты. Да и дни, следовавшие за аварией, оказались не менее страшны: безумие, отчаяние, ненависть охватили население подобно пожару, который не мог так скоро погаснуть. Проснулся дракон. И совершенно не собирался уползти обратно в свое логово и вновь уснуть. Брюссель был во власти банд самых жестоких убийц; богатые кварталы брали штурмом, стены compounds рушили, виллы грабили, их обитателей убивали. Магазины тоже разорили во время аварии, и многие из них были теперь закрыты или просто пусты. Множество горожан пытались бежать на север или на юг, но общественный транспорт работал из рук вон плохо, и персонала не хватало. Бензин тоже стал еще более редким и дорогим, чем до аварии.

Роксанна давно предвидела такое положение, но никогда не предполагала покинуть город. Присутствие в ее жизни Стеллы все изменило. В тот вечер, когда малышка обняла ее и положила головку ей на грудь, родилось что-то такое, чего Роксанна не могла еще для себя сформулировать, но разливавшееся в ней и наполнявшее ее новой волей, конечно, еще в зачаточном состоянии, но игнорировать которую она не могла. Она все чаще думала о большом старинном ключе, поджидавшем ее в одном из ящиков стола. Большой железный ключ с шерстяным помпончиком, который она связала для матери, когда была ребенком. Этим ключом открывался старый семейный дом в Сен-Фонтене, Богом забытом хуторе в валлонской глубинке. Забытом, по крайней мере на это надеялась Роксанна... Она не могла вспомнить, куда спрятала этот ключ. Когда мать дала его ей, покидая Европу, Роксанна сначала сказала, что он ей не нужен, что лучше она будет жить под землей, чем в этой глуши, населенной безмозглыми крестьянами. Но мать настаивала со слезами на глазах, и Роксанна

с раздражением взяла ключ и куда-то засунула... куда, черт побери? Она перевернула всю квартиру сверху донизу. Стелла смотрела на нее встревоженно. Опустошая картонную коробку на полу спальни, Роксанна вдруг замерла, вздрогнув: ручонка Стеллы легла на ее плечо. Роксанна обернулась, и девочка впервые заговорила с ней:

– Что ты ищешь?

Роксанна даже не поняла вопроса. Она услышала низкий, чуть надтреснутый голос, совсем непохожий на голос восьмилетней девочки. Но этот голос был теплый, он ласкал душу, мгновенно успокаивал нервы, этот голос наверняка способен был выразить все чувства: радость и боль, тоску и надежду, доброту и гнев, в общем, жизнь. Роксанна сделала над собой усилие, чтобы ответить Стелле естественно; она сказала, что ищет, не описав ей ключ и помпончик, не объяснив, что им, возможно, придется уехать. Стелла, однако, спросила:

– Мы уедем?

И Роксанне почудилась в тоне девочки искра надежды.

– Попробуем, – ответила она.

Стелла удостоила ее двух фраз за очень короткое время. Это наверняка было для нее много, потому что два следующих дня она не разговаривала. Но ее такой своеобразный тембр, казалось, витал вокруг, как ноты далекой музыки, и Роксанна изо всех сил цеплялась за воспоминание об этом голосе, сама того толком не сознавая. Это помогало ей вставать утром, готовить еду, становившуюся все более скудной (полуфабрикаты, разморозившиеся во время аварии, были почти все съедены); это помогало ей представлять себе жизнь, для них двоих, вне этого городского ада. Она, смотревшая на свое собственное существование, как коровы смотрят на проходящий поезд, она, у которой само понятие «плана» не укладывалось в голове, оказалась облечена своего рода миссией. Ей было нелегко принять это положение вещей. Изрядная часть ее еще отказывалась от ребенка, которого ей доверили.

И все же она его нашла. Ключ лежал в маленьком ящичке шкатулки с украшениями. Когда Роксанна дотронулась до него, металл показался ей теплым. Запах бело-розового помпона вдруг погрузил ее в прошлое: она увидела себя сидящей за столом в кухне у бабули, ее бабушки, в тепле очага и запахах выпечки...

Роксанна провела рукой по лицу, закрыла ящичек и повернулась, высоко подняв ключ. Стелла оторвала глаза от книги, и широкая улыбка озарила ее черты на одну короткую секунду. Роксанна поняла, что они уедут завтра.

Она позвонила Мехди. Он пришел весь в поту: пересек город пешком и попал в перестрелку. Просидев час в разрушенном доме, бежал сломя голову весь остаток пути. Роксанна заговорила без обиняков: она хотела, чтобы он поехал с ними в Сен-Фонтен, но он наотрез отказался. А о его матери она подумала? Разве она не знает, что он никогда ее не оставит? Можно взять с собой и Мариам, заверила Роксанна. Но Мариам не может ехать, в ней же сто двадцать кило, у нее варикоз, и сердце бьется со скоростью звука! И потом, во-первых, Сен-Фонтен – что это за дыра? Что за святой фонтан? Такого наверняка даже в календаре нет! Это покровитель дураков, которые думают, что где-то трава зеленее? Нет, нет и нет, без меня, дамы! Но я немножко провожу вас, до вокзала. Чтобы вы не попали на опасные улицы, чтобы вас не изнасиловали, не перерезали глотки. Мехди был вне себя, говорил заикаясь. Однако же он согласился остаться переночевать.

Роксанна так и не смогла уснуть. К счастью, Мехди тоже не спал. И в темноте, точно два подростка, ускользнувшие из-под надзора взрослых, они принялись шептаться, курия

сигареты. Мехди отлично понимал, что Роксанна хочет увезти Стеллу в безопасное место. Вот только он не верил, что в сельской местности действительно безопасно. И Роксанна там никого не знала. На что они будут жить? Придется что-то им продавать, этим крестьянам. Но что? Потому что с вилами или заступом Мехди плохо ее себе представлял... А доить корову, а, Рокси, ты умеешь доить корову? И потом, электричества там нет уже лет сто. Не то что здесь! И деревенские – они не такие, как мы, поди их пойми... Речь Мехди произвела определенное впечатление на Роксанну. Обо всем этом думать она избегала. Но было ясно, что она и сама плохо представляла, как приспособится к сельской жизни. Устав от всего этого, она велела Мехди заткнуться и задремала на несколько часов до рассвета.

Занялся день, и одновременно на город навалилась тяжелая жара. Лето было сырým и душным, как всегда, под нависающим пасмурным небом, но ежегодный период аномальной жары до сих пор еще не наступил. Это часто случалось в начале августа и длилось примерно до конца октября. Было двадцать пятое, и люди наивно полагали, что избежали этого привычного бедствия. Но оно лишь медлило, чтобы напасть еще свирепее, и этот первый день, когда температура поднялась выше сорока градусов, предвещал убийственную осень. Каждый год середина лета напоминала всем о начале пандемии два года назад: именно в этом месяце вирус Эболы проник в границы Европы из Северной Америки и Австралии с молниеносной быстротой. Болезнь как будто притянула за собой целую череду других катастроф: климат испортился окончательно; бури, проливные дожди, цунами, аномальная жара свирепствовали повсюду, и не только в Южном полушарии; казалось, получив сигнал от Эболы, природа дала волю своей слепой мести. Вереница бедствий триумфально отплясывала свою фарандолу вокруг Земли, жизнь на которой еще продолжалась поистине чудом. Многие виды, конечно же, вымерли окончательно, но человек, неистребимая язва планеты, упорно не хотел перестать существовать.

Роксанна взяла с собой только большую дорожную сумку. Еды на дорогу, кое-какую одежду для себя и Стеллы, пять любимых книг и лекарства. Антибиотики, на сей раз настоящие, сильные обезболивающие на основе морфия, дезинфицирующие средства. Она колебалась, но не смогла устоять перед искушением взять ксинон, на случай если от ночной тишины или окаянного пения птиц на рассвете одолеет тоска.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Мароллы – район в Брюсселе, расположенный между Дворцом правосудия и Южным вокзалом; считается самым «народным» районом города.

Порт-де-Аль (Халлепорт) – средневековые городские ворота Брюсселя, единственный сохранившийся фрагмент второй городской стены; в настоящее время используется как музей.

Речь идет о бельгийском синем известняке.

«Христианско-звезднойная» (англ.).

Для этого (*лат.*).

Охраняемый жилой квартал, в частности в странах, где идет гражданская война.

Примеч. авт.

Схарбек – одна из девятнадцати коммун Брюссельского столичного региона в Бельгии.

Сен-Жосс-тен-Ноде (*фр.* Saint-Josse-ten-Noode, *сокр.* Saint-Josse) – одна из девятнадцати коммун Брюсселя.

Константин Менье (1831–1905) – бельгийский скульптор и художник, представитель реалистического направления в искусстве.

Киберон – полуостров в южной части Бретани (Франция), где находятся известные курорты и центры талассотерапии.

Опаловый берег – курортная зона на севере Франции.

«В постели с Сабриной» (англ.).